

11 июля 1992 года после полудня в московской квартире режиссера Киностудии имени Горького, президента ассоциации по защите конституционных прав и свобод граждан Георгия Гахокия раздался звонок. Не спросив, кто звонит, и даже не взглянув в глазок, Гахокия открыл дверь. Едва щелкнул замок, как на него навалились трое: один с пистолетом, другой — с ножом, третий — с «фомкой». Рукояткой пистолета режиссера ударили в лоб, лицо залила кровь.

Пригрозив убить, нападавшие потребовали деньги и драгоценности. Они стали связывать Гахокия прихваченной с собою веревкой. Кроме нее, нападавшие принесли с собою черный целлофановый пакет, который намеревались надеть хозяину квартиры на голову. Гахокия понял, что его, видимо, действительно убьют, поэтому, вырвавшись из рук бандитов, бросился к окну, разбил его локтем и стал звать на помощь.

Нападавшие не ожидали таких решительных действий. Прихватив со стола дорогие ручные часы и золотую цепочку, бросились бежать.

Сотрудники 61-го отделения милиции, прибывшие по вызову людей, услышавших крики Гахокия, составили протокол, изъяли вещи, брошенные бандитами: черный пакет, веревку, кобуру от пистолета и «фомку». Следственный отдел 8-го регионального управления внутренних дел Москвы возбудил уголовное дело по факту разбойного нападения.

Шло время. Режиссер звонил в милицию, интересовался, как идет поиск бандитов. Ему неизменно отвечали: преступники пока не найдены. Так прошло почти полгода. Режиссер понял, что на милицию рассчитывать не стоит. Найти преступников он решил сам. Тем более что отец его работал когда-то в милиции, и он имел какое-то представление, как это делается.

Было очевидно, что преступников кто-то навел на его квартиру. Кто? Гахокия составил список знакомых, друзей, включил в него даже своих родственников. В списке оказалось около 150 человек. Затем стал вычеркивать из него людей, которые, по его мнению, не могли быть наводчиками. В результате в списке осталось семь человек. Из этой семерки самые большие подозрения вызывал Владимир Ломя.

В 1991 году к Гахокия обратились близкие друзья из Гру-

здири и попросили помочь с жильем сыну их хороших знакомых. Юноша собирался поступать в Московский строительный институт, и несколько месяцев ему нужно было где-то пожить. В это время дочь Гахокия с мужем уехали и квартира

казалось бы, справедливость возгорестовала. Увы, наша история только начинается.

Осужденный написал в городской суд кассационную жалобу. Вслед за нею в горсуд пошла вторая, как бы в дополнение к первой. Во второй жалобе утверждалось, что опознание пострадавшим Гахокия нападавшего на него Конджария проведено с серьезными процессуальными нарушениями. В протоколе записано, что при опознании присутствовала понятая Куликова, хотя на самом деле, утверждалось в жа-

кой-то причине нарушил закон в отношении обвиняемого.

К сожалению, в нашей истории все получилось совсем не так. Оказывается, Куликова подписывала протокол опознания. Когда против нее возбудили уголовное дело за дачу ложных показаний, она созналась, что к ней домой приходили родственники Конджария и просили написать заявление о том, что она участвовала в опознании не принимая.

Ситуация приобретает совершенно иной оборот. И совершенно в ином свете теперь выглядят адвокат обвиняемого

процесс, судья Трубников и не стремился к всестороннему исследованию обстоятельств дела, как того требует закон, а вел его к заранее намеченной цели — во что бы то ни стало освободить налетчика из-под стражи. Попутно он выдвинул в оправдание Конджария еще несколько нелепых аргументов. Мосгорсуд в своем постановлении, отменившем оправдательный приговор, указал на их нелепость. Он направил дело на новое рассмотрение, на этот раз в Останкинский межмуниципальный суд. Только состоится ли он? Судить-то неко-

оскорблениями и угрозами. Кто-то из них угрожал и судье Сыровой.

Суд шел в тяжелой, нервной обстановке. Представьте состояние свидетелей, когда они узнали о гибели водителя такси, а затем и Ломя. Государство не смогло их защитить. Оно даже не попыталось этого сделать.

Опасаясь за собственную жизнь и за жизнь близких, Гахокия обратился к министру внутренних дел с просьбой на время судебного разбирательства выделить ему и его семье охрану. Получил отказ. Тогда он обратился к министру с просьбой разрешить временно ношение пистолета. Эту просьбу поддержали судья Сырова и начальник регионального отдела по организованной преступности Северо-Восточного административного округа Москвы полковник Ю. Данилов. Ему отказали и в этом.

Вообще вся эта история, от начала и до конца — типичный пример того, как государство сегодня защищает гражданина и общество от преступников. Помните, налетчики забыли в квартире режиссера «фомку», кобуру от пистолета и черный целлофановый пакет? Сотрудники милиции не сняли с них отпечатки пальцев бандитов.

По непонятным причинам следствие не провело опознания свидетелями нападавшего (они видели, как бандиты выбежали из подъезда и садились в такси). Не провели они и опознания бандитов таксистом.

Когда таких фактов накапливается много, теряешься в догадках, на счет чего их относить: то ли на счет полного непрофессионализма сотрудников милиции, то ли на счет их личной корысти. Они словно специально вели дело так, чтобы оно было уязвимо в суде.

Какая-то могучая сила проводила дело именно так, как было выгодно Конджария — рецидивисту с тремя судимостями.

Потерпевший Гахокия, три года положивший на то, чтобы найти преступника и довести дело до суда, оказался у разбитого корыта.

— Наверное, я поступил неправильно, когда два года назад отказался от взятки, — невесело сказал он мне. — Сегодня я, видимо, поступил бы иначе.

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ РЕЖИССЕР

Потому что милиция оказалась не в состоянии найти преступников

их пустовала. Гахокия дал парню ключи. Поступив в институт, он переехал в общежитие. В квартире режиссера Ломя был раза два — не больше. Его-то и заподозрил Гахокия.

Чтобы найти парня, проще всего было бы связаться со своими друзьями, ходатайствовавшими за знакомых, но Гахокия не был уверен в том, что именно Ломя навел бандитов на его квартиру, а бросать тень на юношу ему не хотелось. К тому же он не знал фамилию парня. Опознать студента Гахокия мог только по фотографии в личном деле. В милиции взял официальную бумагу, которая давала ему право знакомиться с личными делами студентов.

Полтора месяца Гахокия ходил в МИСИ, как на работу. Он пролистал весь архив и нашел так дело Ломя. Парня задержали. Владимир сознался, что действительно навел бандитов на квартиру режиссера. Назвал одного из нападавших — Конджария, показал квартиру, в которой тот жил в Москве.

Бабушкинский районный суд под председательством Валентины Сыровой приговорил Конджария к семи годам заключения (двух других участников нападения установить не удалось).

лобе, она участия в опознании не принимала. К сему было приложено заявление самой Куликовой.

Разумеется, получив такой документ, городской суд отменил приговор Бабушкинского суда, а дело направил на новое рассмотрение в Новобасманный суд. Под председательством Александра Трубникова суд оправдал Конджария за недоказанностью его вины и освободил из-под стражи.

Можно было бы только порадоваться за суд, который оправдал человека главным образом лишь на том основании, что на предварительном следствии был нарушен Уголовно-процессуальный кодекс. Тем самым суд поднялся на тот уровень отправления законности, о котором давно мечтают отечественные правоведы. Наставшая на неукоснительном соблюдении буквы закона, они приводят в пример практику цивилизованных стран, в частности США, где малейшее нарушение процедуры автоматически влечет за собой оправдательный приговор. И пусть человек — закоренелый убийца, он все равно будет освобожден. Моральная ответственность перед обществом в таком случае ложится на того полицейского, который по ка-

Тимофеев и судья Трубников. Становится понятным, почему заявление Куликовой о том, что она якобы не принимала участия в опознании, не было приложено к первой кассационной жалобе. Если бы адвокат Тимофеев сделал это, то тут же отменили бы решение суда в связи с открывшимися новыми обстоятельствами дела и выяснили бы, подписывала Куликова протокол опознания или нет. Тем более что сделать это было проще простого: назначается почерковедческая экспертиза, которая устанавливает — подлинная подпись Куликовой в протоколе опознания или нет.

Судья Трубников не сделал элементарного — не назначил почерковедческую экспертизу. Его не смутили показания потерпевшего и следователя, утверждавших, что Куликова принимала участие в опознании и поставила свою подпись под протоколом. Трубников допросил в суде Куликову, и та снова подтвердила, что никакого отношения к протоколу опознания не имеет. Сделал он это в отсутствие и потерпевшего, и следователя, которые здесь же, в зале суда, могли бы уличить женщину в том, что она говорит неправду.

Судя по тому, как велся

го — Конджария, освобожденный из-под стражи, предположительно скрывается в Абхазии.

И первый, и второй судебный процессы сопровождался убийствами свидетелей. В первом случае при странных обстоятельствах погиб водитель такси Нижегородцев. Он подвозил бандитов к дому режиссера, а затем увозил после неудачного нападения. Во втором случае кто-то расправился с главным свидетелем обвинения Ломя. Станным образом домашние адреса пострадавшего, понятной и свидетелей оказывались у родственников Конджария.

Можно лишь догадываться, как воздействовали сторонники Конджария на Куликову — женщину тихую и робкую. Пострадавшему, например, с его слов, вначале предложили пять миллионов рублей, чтобы он отказался от обвинения. Два года назад это были приличные деньги. Когда же Гахокия отверг предложение, его стали запугивать: неизвестные угрожали расправиться с ним и его семьей. В Бабушкинский суд режиссера проводили через запасной ход: у главного всегда толпились агрессивно настроенные друзья Конджария, осыпавшие Гахокия и свидетеля